

Энергетическое сотрудничество Европейского союза со странами Ближнего Востока

Научный руководитель – Шахалилов Шамансур Шахалилович

Новикова Дарья Михайловна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет глобальных процессов, Образовательная программа «Глобальная экономика и управление», Москва, Россия

E-mail: dasheka05@mail.ru

Начиная с 2022 года совокупность политических и экономических факторов, включая введение широкомасштабных санкций в отношении России, привела к заметному изменению конфигурации европейского энергетического рынка. Структурная зависимость ЕС от российских углеводородов обнажила уязвимость сложившейся модели энергоснабжения и поставила на повестку дня вопрос о поиске альтернативных партнёров. В этом контексте страны Ближнего Востока изначально воспринимались как наиболее перспективные поставщики. Вместе с тем анализ реальной динамики энергетических потоков позволяет выдвинуть следующий тезис: ближневосточные экспортёры не стали ключевыми бенефициарами европейской диверсификации — это место заняли США и Норвегия.

Уже в мае 2022 года Европейская комиссия представила программу REPowerEU, декларирующую стратегическую цель поэтапного полного отказа от российского ископаемого топлива до 2030 года [3]. Данная программа задала стратегические ориентиры для переговоров с потенциальными партнёрами, в числе которых оказались государства Персидского залива. Тем не менее структурные ограничения ближневосточного партнёрства носят системный характер. Во-первых, Катар связан долгосрочными контрактами преимущественно с азиатскими покупателями, что объективно ограничивает объём свободного газа для переориентации в пользу Европы [7]. Во-вторых, Саудовская Аравия и ОАЭ являются преимущественно нефтяными экспортёрами и не располагают сопоставимыми с Россией объёмами трубопроводного газа. В-третьих, в рамках ОПЕК+ государства Залива фактически поддержали политику сокращения нефтедобычи вопреки давлению западных стран [2].

Существенным препятствием для формирования устойчивого энергетического партнёрства ЕС с Ближним Востоком выступает хроническая нестабильность региона. Вооружённые конфликты в Йемене, Сирии и Ираке, эскалация израильско-палестинского противостояния, начавшаяся в октябре 2023 года, а также межгосударственные противоречия между Ираном и странами Персидского залива формируют устойчивый фон геополитической турбулентности [2, 8]. Данное обстоятельство существенно повышает транзитные и инвестиционные риски, что делает регион менее привлекательным в качестве надёжной альтернативы российским поставкам с точки зрения энергетической безопасности ЕС.

В противоположность этому США и Норвегия оказались структурно готовы к оперативному наращиванию поставок. По данным МЭА, экспорт американского СПГ в Европу вырос с 22 млрд куб. м в 2021 году до 56 млрд куб. м в 2023 году, превратив США в крупнейшего поставщика СПГ на европейский рынок [4]. Норвегия увеличила трубопроводный экспорт газа приблизительно на 8% в 2022 году, задействовав резервные мощности существующей инфраструктуры [6]. Ключевым конкурентным преимуществом обоих поставщиков стало сочетание развитой инфраструктуры, политической лояльности и отсутствия конкурирующих контрактных обязательств перед третьими рынками [8].

Вместе с тем невозможно полностью отрицать потенциал ближневосточного вектора. В средне- и долгосрочной перспективе развитие производства зелёного водорода в рамках Saudi Vision 2030 и инициативы ОАЭ способны создать принципиально новую основу для сотрудничества [1, 5]. Однако указанные проекты носят преимущественно декларативный характер и не способны повлиять на актуальное распределение энергетических потоков.

Таким образом, проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, энергетический кризис 2022 года не трансформировал страны Ближнего Востока в ключевых партнёров ЕС в сфере энергоснабжения, несмотря на интенсификацию дипломатических контактов. Во-вторых, главными выгодоприобретателями европейской диверсификации стали США и Норвегия, располагавшие необходимой инфраструктурой и политической готовностью. В-третьих, потенциал ближневосточного партнёрства сопряжён прежде всего с долгосрочным энергетическим переходом и развитием ВИЭ, а не с замещением углеводородных поставок в краткосрочном горизонте.

Источники и литература

- 1) Зонн И.С., Жильцов С.С. Газовая пандемия Восточного Средиземноморья // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – Т. 9. – № 3. – С. 258–278.
- 2) Мастепанов А. Нефтяные рынки в годы великих трансформаций // Энергетическая политика. – 2023. – № 4 (182). – С. 14–29.
- 3) European Commission. REPowerEU Plan. COM(2022) 230 final. – Brussels, 2022.
- 4) Fattouh B., Heidug W., Poudineh R. The Green Hydrogen Economy in the Arabian Peninsula // Oxford Review of Economic Policy. – 2023. – Vol. 39. – № 2. – P. 381–402.
- 5) Honore A. European Natural Gas Demand, Supply and Transit Post-2022 // Oxford Energy Comment. – Oxford: Oxford Institute for Energy Studies, 2023.
- 6) International Energy Agency. Gas Market Report Q1 2024. – Paris: IEA Publications, 2024
- 7) Oxford Institute for Energy Studies. Qatar's LNG Expansion and Its Implications for Global Markets. – Oxford, 2023. – (OIES Paper NG 183)
- 8) Sartori N., Cerretelli M. The EU and the Gulf: Navigating a New Energy Partnership. – IAI Working Paper. – 2023. – № 23.
- 9) Eurostat. Energy Statistics — An Overview [Электронный ресурс]. – Luxembourg, 2024. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Energy_statistics (дата обращения: 14.02.2026).
- 10) Saudi Vision 2030 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vision2030.gov.sa> (дата обращения: 14.02.2026).